

Генезис внутренних убеждений правоприменителя в процессе толкования норм права

В. В. Сорокин

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: sorokin.v@yandex.ru*

Аннотация: В статье называются формы объективирования языка в праве. Язык рассматривается автором не просто в качестве способа трансляции юридической информации, а в качестве проводника смысла права. Характеризуется роль правовых дефиниций в юридической деятельности. Язык коррелируется со сферами духа права и юридическим процессом. Язык – важный государствообразующий фактор. Он не только обеспечивает общение между субъектами с использованием вербальных и невербальных средств. В правовой сфере слово несет в себе дух права, ибо оно и есть воплощение этого духа. Получая языковое выражение, дух права объективируется. В то же время в юридической литературе излагается ограниченный взгляд на функции языка в праве. Как правило, к ним относят отобразительную (выражение воли законодателя вовне) и коммуникативную (доведение этой воли до сведения участников общественных отношений). При этом игнорируются самые главные функции языка в праве: системосохраняющая, смыслообразующая и духовно-объективирующая. При этом автор предостерегает против абсолютизации языковых средств в праве.

Ключевые слова: право, язык, генезис, языковые средства, толкование права, судебское усмотрение, дух права, буква закона.

The Genesis of the Internal Convictions of a Law Enforcement Officer in the Process of Interpreting the Norms of Law

V. V. Sorokin

*Altai State University
61 Lenina St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: sorokin.v@yandex.ru*

Abstract: The article describes the forms of objectification of language in law. Language is considered by the author not just as a way of communicating legal information, but as a mediator of the meaning of law. The role of legal definitions in legal operations is characterized. The language correlates with the spheres of the spirit of law and the legal process. Language is an important nation-forming factor. It is not limited to providing communication between subjects using verbal and non-verbal means. In the legal sphere, the word carries the spirit of law, for it is the embodiment of this spirit. Receiving a linguistic expression, the spirit of law is objectified. At the same time, the legal literature presents a limited view on the functions of language in law. As a rule, they include display function (expression of the will of the legislator outside) and communicative one (bringing this will to the attention of participants in public relations). At the same time, the most important functions of language in law are ignored: system-preserving, meaning-forming and spiritual. At the same time, the author warns against the absolutization of linguistic means in law.

Keywords: law, language, genesis, linguistic means, interpretation of law, judicial discretion, spirit of the law, letter of the law.

Язык – важный государствообразующий фактор. Он не только обеспечивает общение между субъектами с использованием вербальных и невербальных средств. В правовой сфере слово несет в себе дух права, ибо оно и есть

воплощение этого духа. Получая языковое выражение, дух права объективируется. В то же время в юридической литературе излагается ограниченный взгляд на функции языка в праве. Как правило, к ним относят отобразительную (выражение воли законодателя вовне) и коммуникативную (доведение этой воли до сведения участников общественных отношений) [Пиголкин 1990: 8]. При этом игнорируются самые главные функции языка в праве:

- системосохраняющая – обеспечение воспроизводства духовно-культурного и организационно-регулятивного кода правовой системы общества;
- смыслообразующая – определение словами и выражениями правовых понятий, правил и смыслов;
- духовная – объективация духа права в юридической терминологии.

При этом не нужно допускать абсолютизации языковых средств в праве. Так, Дж. А. Акопян преувеличивает роль языка: «Язык – основное средство общения людей, поэтому только словами и выраженными ими понятиями можно определить, что делать, а чего не делать, что правильно или неправильно» [Акопян 2005: 225]. На самом деле юридические требования выражаются не только словами, но еще правовыми чувствами, конклюдентными действиями (движением жезла сотрудника дорожной полиции).

Глобализаторы мира убеждены в том, что любая унификация, в том числе языковая, несет мир и безопасность. Поэтому один язык на весь мир – одна из задач их повестки дня, равно как и мировое правительство. В мире уже не первое десятилетие наблюдается размывание языков романской и славянской групп, проявляющееся в том, что в их словарный состав активно входят слова и выражения из английского языка. В 2009 г. в Швеции был создан национальный терминологический банк, имеющий целью сбережения и создания шведских терминов. Повсеместно сократилось изучение языков романской группы. Франции даже пришлось принимать закон о защите французского языка («Закон Тубона» 1994 г.). В России тоже немало специалистов озабочены сохранением русской грамматической системы, богатства и своеобразия словаря [Государственный язык России: нормы права и нормы языка, 2018]. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31 декабря 2015 г. предусмотрен пункт 81: «Особое значение для укрепления национальной безопасности в области культуры имеет проведение государственной политики по реализации функции русского языка как государственного языка Российской Федерации, средства обеспечения государственной целостности страны и межнационального общения народов Российской Федерации, основы развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве и средства удовлетворения языковых и культурных потребностей соотечественников за рубежом». К сожалению, государственная политика подразумевает защиту статуса языка, а защиту корпуса языка не затрагивает, в то время как размывание языка – это признак культурного упадка, утрата культурной идентичности народов и наций.

Современные (печатные, телевизионные, радиовещательные, электронные и пр.) средства массовой информации безнаказанно нарушают языковые, коммуникативные и этические нормы, хотя и являются одним из главных субъектов формирования языковой ситуации. СМИ увлекаются эпатажирующим изложением табуированной тематики, создают и мулсируют скандалы и сплетни, отличаются циничным отношением к человеческим трагедиям, нагнетают тревожную атмосферу в обществе. Речь журналистов, политиков и даже юристов изобилует иноязычными словами «тренд», «бренд», «мониторинг», «старт-ап», «праймериз», «онлайн», «пиар», «эксклюзив», «инклюзив», «кейс», «кластер», которые получили широкое распространение в том числе благодаря использованию в нормативно-правовых документах государства. Таким образом, органы государственной власти сами открыли ворота для мирового глобализма. По мнению В. Рыбина: «Мы полностью утратили терминообразование и получили мощный поток заимствований, размывающих русский язык, а вместе с ним русское самосознание» [Рыбин 2018: 20]. И произошло это в нарушение Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» от 1 июня 2005 г., который в п. 6 ст. 1 предписывает следующее: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке». Другими словами, сегодня повсеместно наблюдается нарушение запрета на использование новых иностранных слов, не выражающих новых значений и тем самым избыточных для языка. Сегодня даже органы государственной власти употребляют в официальных документах и выступлениях заимствованное слово «волонтер», хотя русское слово «доброволец» общеупотребительно. Студентов высших учебных заведений России стали именовать «бакалавр» и «магистрант». Гражданский кодекс Российской Федерации выступает лидером по употреблению английских по происхождению терминов. Словарный лексикон власти, средств массовой информации, богемы, молодежной тусовки задает формат языкового общения повсюду в стране.

К сожалению, языковая колонизация – первый шаг к полному подчинению англоязычным народам. Через языковую экспансию колонизаторы изменяют мировоззрение народов, отрывая их от духовных и культурных корней и насаждая англосаксонскую модель глобализма. От того, какую лексику используют носители языка, во многом зависит образ их мышления и поведения. И если значительная часть народа говорит на чужом языке, они и думают в плоскости иностранной духовной культуры.

Усилия англосаксонских политиков по целенаправленному подавлению всех языков, кроме английского, продолжают [Марусенко 2018]. Это одно из свидетельств стремления к мировому господству: «Английский язык в мировой языковой системе играет роль, схожую с ролью доллара в мировой денежной системе» [Рыбин 2018: 80]. Под сферу действия английского языка переходят не только торговля, высокие технологии. Само насаждение английского языка в мире превратилось в доходный бизнес. Исследователи указывают, что суммы «скрытого налога» в пользу Великобритании ежегодно составляют около 1300 евро на человека [Марусенко 2014: 357]. В него входит:

- доход от преподавания английского языка (13 млрд евро в год);
- доход от переводов на английский язык (только Европейская комиссия в 2018 г. потратила на это 8,5 млрд евро);
- более высокие зарплаты носителей английского языка по сравнению с инофонами;
- отсутствие необходимости у носителей английского языка тратить средства и время на его изучение.

Ч.3 ст. 1 Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» от 1 июня 2005 г. устанавливает: «Порядок утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации определяется Правительством Российской Федерации». Во исполнение данного закона Правительство РФ издало Постановление от 23 ноября 2006 г. № 714, согласно которому Министерство образования утверждает на основании рекомендаций Межведомственной комиссии по русскому языку список грамматик, словарей, справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка, а также правила русской орфографии и пунктуации.

Размывание корпуса русского языка приводит к падению его статуса. Так, например, Президент Казахстана Н. Назарбаев объявил 2017 год годом перехода страны с кириллицы на латиницу. В республиках бывшего СССР замена русского языка английским производится под ширмой защиты национального суверенитета. Однако вытеснение русского языка происходит не в пользу национальных языков этих республик, а в пользу английского. Точно так же в странах Европейского союза декларация о многоязычии приводит к насаждению английского языка.

Можно укреплять армию, промышленность и даже наращивать уровень жизни населения, но основой общества и государства является дух. Если в народе нет духовного единства, веры и моральных устоев, государство не может считать себя сильным. А ослабленное государство теряет и численность населения, и его образованность, и благосостояние, и земли, и золотой запас, и промышленность, и культуру. «Призрачна и непрочна любая сила, любая мощь, если она не основывается на твердом фундаменте духовного единства» [Снычев 2015: 511]. Функция правового воспитания заключается в формировании у подрастающего поколения представлений о величии своего народа, достоинствах его духовной и материальной культуры, в том числе языка. Функции обеспечения культурной идентичности и формирования национального самосознания тоже связаны с вопросами охраны государственного языка и языков народов, населяющих страну.

Важнейший элемент национального самосознания – слово, опредмечивая правосознание субъектов, оно является одним из основных условий эффективности правового регулирования. Именно язык способствует передаче правовых идеалов, принципов, норм. Таким образом, язык права, так же, как и общенародный язык, требует к себе бережного отношения.

Теория права и государства научным путем вырабатывает, формулирует и раскрывает тысячи основных понятий и категорий, получающих конвенцию на использование от юридического сообщества. Исходной языковой единицей здесь выступает дефиниция – краткое логическое определение, устанавливающее существенные, отличительные признаки предмета или правовое значение понятия – его правовое содержание и границы использования в сфере правового регулирования [Лазарев 2012: 159]. Правовые дефиниции можно подразделять на доктринальные, находящиеся в научном обороте, судебные, изложенные в судебных актах, и легальные, закрепленные в нормативно-правовых актах. Дефинициям в праве («юридическое лицо», «правоотношение», «юридический факт» и т. д.) свойственна высокая степень абстрактности, но посвящены они довольно конкретным правовым явлениям. Языковая оболочка юридических понятий позволяет более или менее однозначно их воспринимать и толковать [Kress, Hodge 1979; Wodak 1989]. Грамматический способ толкования норм права непременно используется по каждому юридическому делу. Здесь имеет значение определенная последовательность слов, этимология слов и выражений, правила грамматики. В иерархии языковых уровней высокое положение занимает синтаксис, так как он тесно связан с логикой, изучающей законы и условия мышления, и с психологией, изучающей процессы образования мысли. Грамматику можно представить как элементарную часть логики, начало анализа мыслительного процесса. Правила грамматики выступают образцами, по которым формы языка получают соответствие с универсальными формами правового мышления.

Небрежное отношение к языку закона приводит к появлению в нормативных актах многочисленных нетерминологических выражений, вообще не требующих дефиниций. Так, в ст. 1 Водного кодекса Российской Федерации определяется понятие «вода» как «химическое соединение водорода и кислорода, существующее в жидком, твердом и газообразном состояниях». Здесь же дается определение «вод» во множественном числе: это «вся вода, находящаяся в водных объектах». В ст. 1 Закона Российской Федерации «О пожарной безопасности» определено понятие пожара: «это неконтролируемое горение, причиняющее материальный ущерб, вред жизни и здоровью граждан, интересам общества и государства». Законы Российской Федерации «О защите прав потребителей» и «О естественных монополиях» содержат разные определения понятия «потребитель». А понятия «товар», «предприятие», «штраф», «работник» были определены в российском законодательстве в трех-четырёх вариантах, не совпадающих друг с другом [Головина 2017: 107-109]. Упомянутые языковые погрешности имеют негативные правовые последствия, затрудняют толкование воли законодателя, замедляют работу механизма правоприменения.

Для юристов искусство владения словом имеет ключевое значение. При этом важно относиться к словам не с утилитарно-технической точки зрения, но адекватно, то есть одухотворенно. Чтобы слова в сфере юриспруденции действительно выражали дух права, ими нужно пользоваться с осторожной внимательностью, вкладывая соответствующий смысл. Слово представляет собой знак, знак транслирует образ, а образ заключает в себе смысл. Поэтому современных отечественных юристов нужно специально подготавливать к работе со словом. В стандартах

высшего юридического образования данное направление подготовки должно найти место. Студентам-юристам необходимо

- понимать словообразовательные модели, по которым строится юридическая терминология;
- владеть понятийным аппаратом юриспруденции;
- уметь сравнивать содержание и смыслы близких правовых понятий;
- применять приемы и способы толкования права (не только правовых норм, но и правовых идей и принципов);
- уважать дух права, воплощенный в правовых понятиях и выражениях, и отдавать ему предпочтение перед буквой закона.

Литература

Акопян Дж. Юридическое (нормативное) и этические (нравственное) понимание права / Правоведение. – 2005. – № 6. – С. 220-231.

Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права. Екатеринбург, 2017.

Государственный язык России: нормы права и нормы языка. СПб., 2018.

Лазарев В.В. Избранные труды. [В 3 т.]. – Т. III: Из истории политической мысли. М., 2010.

Марусенко М.А. Эволюция мировой системы языков в эпоху постмодерна. Языковые последствия глобализации. М., 2018.

Марусенко М.А. Языковая политика Европейского союза. Институциональный, образовательный и экономический аспекты. СПб, 2014.

Рыбин В. Государственный язык как орудие власти. СПб., 2018.

Снычев И. Русская симфония. М., 2003.

Язык закона /Под ред. А.С. Пиголкина. М., 1990.

Kress G., Hodge B. Language as ideology. Routledge, 1979.

Wodak R. Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse. Amsterdam, 1989.

References

Golovina, S. Yu. (2017). The conceptual apparatus of labor law. Yekaterinburg (in Russian).

Hakobyan, J. (2005). Legal (normative) and ethical (moral) understanding of law. Jurisprudence, 6, 220-231 (in Russian).

Kress, G., Hodge, B. (1979). Language as ideology. Routledge.

Lazarev, V.V. (2010). Selected Works. [In 3 vols.]. - T. III: From the history of political thought. Moscow (in Russian).

Marusenko, M.A. (2018). The evolution of the world language system in the postmodern era. The linguistic implications of globalization. Moscow (in Russian).

Marusenko, M.A. (2014). The language policy of the European Union. Institutional, educational and economic aspects. St. Petersburg (in Russian).

Rybin, V. (2018). The state language as an instrument of power. St. Petersburg (in Russian).

Snychev, I. (2003). Russian symphony. Moscow (in Russian).

The language of the law / Ed. A.S. Pigolkina. (1990). Moscow (in Russian).

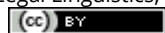
The official language of Russia: legal norms and language norms. (2018). St. Petersburg (in Russian).

Wodak, R. (1989). Language, Power and Ideology: Studies in Political Discourse. Amsterdam.

Citation:

Сорокин, В. В. Генезис внутренних убеждений правоприменителя в процессе толкования норм права// Юрислингвистика. – 2021. – 22. – С. 38-40.

Sorokin, V.V. (2021). The Genesis of the Internal Convictions of a Law Enforcement Officer in the Process of Interpreting the Norms of Law. Legal Linguistics, 22, 38-40.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License